

## Научное познание как понятие социальной философии\*

А.Ю. Антоновский

В статье рассматриваются коммуникативные и социальные условия функционирования современной науки. При этом ракурс рассмотрения в данном случае определяется в контексте идей понимающей социологии. Опираясь на анализ заданных Максом Вебером идеально-типических условий существования современной науки, автор формулирует концепт науки, которая «инвариантна современности». В статье обосновывается тезис о том, что понятие «научное познание» связывает в один концептуальный узел целый ряд других фундаментальных понятий социальной философии, прежде всего, понятие социальности, времени, (научного) объекта, истины и ценностей. В работе «Наука как призвание и профессия» Вебер предложил понятие современной науки, опираясь на идею определенной временной логики жизни человека, как эта идея была сформулирована Львом Толстым. Тем самым он, характеризуя регионально-культурную специфику современной ему науки, дополняет общую мультикультурную перспективу научно-познавательных практик, складывающихся в его эпоху. Так, он представляет американскую науку как неприятную, но неизбежную перспективу превращения университетов в государственно-капиталистические корпорации, способные производить лишь временно-значимые продукты. Автор показывает, как подмеченные Вебером тенденции развития науки реализовались в разных странах в XX в., что позволяет говорить об актуальности концепции Вебера для современной социальной философии.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** научное познание, понятие, социальная философия, М. Вебер.

**АНТОНОВСКИЙ** Александр Юрьевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

antonovski@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.

Цитирование: *Антоновский А.Ю.* Научное познание как понятие социальной философии // *Вопросы философии.* 2018. № 12. С. 97–100.

Сто лет назад в знаменитой статье «Наука как призвание и профессия» Макс Вебер сформулировал «внешние» социальные условия существования науки как профессии. Эти условия он описал в первой (кстати, не переведенной на русский язык) части статьи. А во второй части он, как бы идя навстречу пожеланиям студентов и в соответствии с самим смыслом «понаимающей социологии», реконструировал внутренние условия научного познания, существенно трансформирующие мотивации и установки современных исследователей. Эти внутренние условия определяются им словно «апофатически» — в виде перечня «исчезающих иллюзий», ранее конституировавших научное познание «как призвание», но теперь утративших мотивационную силу. Он констатировал, что наука уже не понимается ни как «путь к истинному бытию», ни как «путь к истинному искусству», ни как «путь к истинному Богу», ни как «путь к истинному счастью» и т.д. Студент, определяющийся с выбором профессии, отныне не может рассчитывать на эти «конечные» результаты исследования. И, наверное, полагает Вебер, наука как занятие и сфера деятельности должна была бы предложить какие-

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00733-ОГН «Системно-коммуникативный подход Никласа Лумана в приложении к российскому обществу», проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

© Антоновский А.Ю., 2018 г

то другие — специфические — достижения. Ведь если с этими установками и мотивациями ученого (и, шире, всякого рационально мыслящего современника указанных социальных процессов) приходится расставаться, если все прежние фундаментальные смыслы человека, интересующегося устройством мира, оказываются распредмеченными, то что же в таком случае может выступить компенсаторным механизмом для мотивирования научного поиска?

В контексте поиска ответа на этот вопрос важно обратить внимание на то, что все перечисленные иллюзии и соответствующие — теперь недоступные — объекты познания (бог, природа, счастье, красота) снабжены индексом «истинности». В этом смысле Вебер явно и неявно ставит проблему истины. Это понятие, собственно говоря, проходит красной нитью в веберовской статье и парадоксальным образом оказывает влияние на содержание нового значения научной коммуникации. Лишившись своих «выделенных референтов» (бога, природы, красоты и счастья), этот истинностный индекс теперь из предиката сам становится у Вебера выделенным объектом поиска, т.е. референтом, а не подчиненным ему свойством. Теперь истина не зависит от того, к каким референтам она прилагается, а значит, может прилагаться к самой себе и к своим фундаментальным контрагентам — ценностям и вере. Оказывается, дистинкция истина/ценность определяет критерии научности того или иного высказывания, и одновременно — в форме дистинкции *Lehrer/Fuehrer* — определяет профессиональную включенность в научное сообщество тех, кто высказывает эти суждения.

В целом мы можем сказать, что Вебер впервые определяет коммуникативные границы науки через истину в ее сопряжении с ценностью. Позднее это сопряжение истина/ценности получит теоретическую разработку в системно-коммуникативном подходе Н. Лумана (см.: [Луман 2017; Антоновский 2017; Антоновский, Бараш 2017]), который, как известно, связывал с истиной и ценностями особую структуру атрибуций (т.е. инвариантного приписывания некоторому Эго и некоторому Другому тех или иных переживаний или действий в соответствующих коммуникативных системах — хозяйственных, политических, научных и т.д.). Ведь, на мой взгляд, и в случае коммуникации истины, и в случае коммуникации ценности (несмотря на все противоречие между ценностными и истинностными суждениями) коммуникации стилизуются под взаимное подтверждение общих переживаний. В этом смысле «истина» обобщает не только высказывания, но и (почти в соответствии с аксиомой Дюркгейма) группирует индивидов в научное сообщество, одновременно выводя за его пределы тех, кто высказывает ценностные суждения.

Вебер фиксирует недостаточную обособленность немецкой науки, карьеры в которой базированы на «предпосылках плутократии» [Weber 2002, 475]. И это существенно отличает немецкую науку времен Вебера от более «современной» североамериканской науки, автономия которой связана с тем, что молодой американский исследователь, по его мнению, получает финансовую независимость. В результате, мы получаем понятие современной науки как дифференцированного предприятия, коммуникация в котором определяется исключительно в предметном измерении. Ни должностное положение исследователя в социальных иерархиях, ни принадлежность его высказывания тому или иному времени не могут и не должны служить критерием при определении истинностных значений.

В науке, в отличие от искусства, имеет место прогресс, который, однако, предполагает и неизбежный отказ от старых истин. Научное открытие или изобретение всегда совершается в определенный момент времени, а это значит, что его можно превзойти. И в этом смысле любое научное достижение утрачивает актуальность. Но именно поэтому, полагает Вебер, актуальность и новизну приходится фиксировать в научной коммуникации в качестве главных критериев научности и современности того или иного суждения. Таким образом, для фиксации подлинного вклада в развитие науки как системы самым существенным оказывается именно временное измерение. Оно как бы и удостоверяет, и лишает значимости конституирующее науку утверждение. При этом какая бы область научных исследований ни выходила на первый план, теория или метод, фундаментальное или прикладное исследование (в предметном измерении) — все эти критерии актуальности и аутентичности научного

достижения в любом случае затем нивелируются во временном измерении. Именно это обстоятельство разрушило, по мнению Вебера, традиционные мотивационные основы научного поиска и научной коммуникации (путь к истинному богу, к истинному благу и т.д.). Именно здесь проходит водораздел или граница между наукой «староевропейской» и наукой современной, а вместе с тем предметно разграничивается область научных утверждений и ценностных высказываний в рамках других форм культуры.

Специфика предметного и временного измерений староевропейской науки, т.е. открывавшаяся ученому и философу глубинная реальность, мир неизменных истин и вещей определяли и социальное измерение науки. Полагалось, что в науке имеет место особый тип добровольного принуждения или, лучше сказать, консенсуса без принуждения. Это принуждение осуществлялось, по Веберу, при помощи «понятия», открытого Платоном и Аристотелем и реализующего двойную функцию: обеспечить научное познание надежным инструментом и задать жесткие ориентиры для согласия по итогам научной коммуникации. *Понятия*, словами Вебера, захватывают оппонента «в логические тиски», из которых он не может вырваться, не согласившись.

Именно эта трактовка «понятия», казалось, обеспечила успех аксиомы староевропейской научной традиции: «...найти понятие и значит обнаружить подлинное бытие». Затем, на втором этапе развития «староевропейской традиции» эксперимент стал элементом познавательной деятельности, он контролировал понятия с помощью опыта. Но и эксперимент существенно не поколебал староевропейского императива «поиска подлинной природы, в согласии с божественным замыслом» и все еще не определял характера «современной» Веберу научности. Лишь трансформации научного познания, связанные с превращением науки в социальный феномен, в «производительную силу общества» явились тем «разочаровывающим обстоятельством», которое подорвало староевропейскую традицию поисков подлинного бытия. Фатальными для староевропейской науки стали вызовы со стороны противостоящего ей — рационализирующегося — общества, прежде всего со стороны политики и хозяйства. «Очевидно, что новейшее развитие университетского дела... идет по американскому пути. Наши большие институты медицинского и естественнонаучного типа уже давно — “государственно-капиталистические” предприятия» [Weber 2002, 477], со всеми следствиями «отчуждения рабочего от средств производства» (Вебер эксплицитно использует эти понятия К. Маркса). Рядовой ученый и есть тот самый эксплуатируемый рабочий, а отчуждаемые «средства производства» (рабочее место, кабинет, библиотека, кафедра) находятся в распоряжении бизнеса и бюрократии. Не правда ли, знакомая ситуация? И по тому, насколько реализовался этот веберовский диагноз-прогноз, мы можем судить о концептуальном потенциале современной социальной философии.

### *Источники — Primary Sources in German*

Weber, Max (2002) *Schriften 1894–1922*, Kröner, Stuttgart.

### *Ссылки — References in Russian*

Антоновский 2017 — Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 201–214.

Антоновский, Бараш 2017 — Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 120–134.

Луман 2017 — Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология & философия науки. 2017. № 2. С. 215–233.

## Scientific Knowledge as a Concept of the Social Philosophy\*

Alexander Yu. Antonovskiy

This article explores the communicative and social conditions for the functioning of modern science. The perspective, in this case, is determined in the context of the ideas of “understanding sociology”. The author of the article uses the analysis of the ideal-typical conditions of modern science that were denoted by M. Weber in order to develop the concept of the “invariant to modernity” of science. The author also substantiates that the concept of the “scientific knowledge” binds other fundamental concepts of social philosophy into a single conceptual node – first of all the concept of sociality, time, (scientific) object, truth, and values. In “Science as a Vocation” Weber proposed such a concept of modern science, that was based on a specific temporal logic of human life, as it was formulated by Lev Tolstoy. Thereby, characterizing the regional and cultural specifics of present science, he complements the general multicultural perspective of scientific and educational practices emerging in his epoch. In this context, American science is presented as an unpleasant, but an inevitable prospect of the university's transformation into the state-capitalist corporation, capable to produce just temporarily significant products. The author shows how the trends of science development noticed by Weber were realized in different countries in the 20th century, which allows us to speak about the relevance of Weber's concept for a modern social philosophy.

KEY WORDS: scientific knowledge, concept, social philosophy, M. Weber

ANTONOVSKIY Alexander Yu. – DSc in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Docent of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy.

antonovski@hotmail.com

Received at June 13, 2018.

Citation: Antonovskiy, Alexander Yu. (2018) ‘Scientific Knowledge as a Concept of the Social Philosophy’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 97–100.

DOI: 10.31857/S004287440002589-2

### References

Antonovskiy Alexander (2017) ‘Evolutionary approach to the development of science’, *Epistemology and Philosophy of Science*, 52, 2, pp. 201–214 (In Russian).

Antonovskiy Alexander, Barash Raisa (2017). ‘Truth and authority as categories of social philosophy’, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, pp. 120–134 (In Russian).

Luhmann, Niklas (1993) *Wissenschaft der Gesellschaft*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, pp. 549–616 (Russian translation 2017).

---

\* This paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 17-03-00733-OFGH “Systems theoretical approach towards the Russian society” and project № 18-011-01097 “Social theory and Power – Russian Peculiarities”.